

Событием на фестивале стал спектакль «Формально-го театра» из С.-Петербурга «Гамлет-машина». Постановка не оставляет равнодушным, в чем можно было убедиться на вечернем обсуждении в четверг.

Альберт Буров: — Спектакль замечательный, фестивальный. Я словил от него большой кайф. Замечательное распределение пространства, задействованы превосходные актрисы. Все это — культурное явление, разрушающее штампы предыдущей культуры. Для меня в спектакле важны два момента: игра и чудо, чудо искусства. Не знаю как насчет катарсиса, но чудо должно быть. И оно сегодня было.

Алексей Шелпин: — Для меня спектакль был полифонией, слагающейся из деталей: мы видим несколько разных фигурок, сосуществующих на одной плоскости. И в связи со спектаклем у меня возникли два мотива: вроде бы это пародия на любительский театр. Но через это пародирование возникает чистая и выразительная интонация.

Славомир Гослански: — Первая мысль при просмотре: я это уже знаю. Чуть позже — другая: да, знаю, но что же дальше? Из нее возникают жизненно важные вопросы, и непонятно: где граница между театром и жизнью. Она стирается. Я начинаю думать о себе: кто я и как живу. Но только не понравилось, что финал был очень нахальным. Герой сказал: то плохо, это плохо. Мне не надо этого говорить, я сам знаю, что нехорошо.

Сергей Овинов: — Для меня это очень цельный, мощный, профессиональный спектакль. Я восхищаюсь актерами и не понимаю, как они смогли настолько точно сыграть непрофессиональность, школьный театр какой-то.

Марьяна Корбина: — На сегодняшний день три спектакля навалились на меня глыбой: «Веничка...» («Манекен»), «Ла-Каза» немецкого театра «Мориба» и «Гамлет-машина». Во время спектакля я даже хотела попросить Андрея Могучего прекратить спектакль: нельзя же настолько рвать нам душу.

Я буду делать ничего

Тихое стоическое сопротивление которое режиссер Андрей Могучий оказал пьесе Хайнера Мюллера «Любовь будет позже» или «Гамлет-машина» («Формальный театр» Санкт-Петербург) завораживает. Каким тонким стилистом надо быть чтобы при всех наворотах оставить у зрителя ощущение непосредственности пьесы. Да еще с актерами которые могут играть все — телефонную книгу, объявление на заборе, мозговые извилины своего режиссера вместе с его же второй сигнальной системой.

Однажды я сидела за компьютером (в офисе естественно) и ко мне пришел человек который совершенно был мне не нужен

**«Датский принц,
Давно уже не тот,
Не рискует с тенью
разговаривать...»**

Феликс КРИВИН

ни к черту. Не отрываясь от монитора и клавиш я вела с ним беседу. Но он рассчитывал на что-то другое и потому как-то лепился и увивался вокруг. Когда он ушел я догадалась что в сущности он меня изнасиловал. А я как бы ничего не поняла как бы во сне. Зато он был абсолютно удовлетворен.

То же самое с вами может произойти во время хэппенинга если это слово перевести на русский язык. Вас имеют со всеми потрохами а вы

может не сразу догадаетесь. Спасибо не надо. Извините все уже произошло закончилось.

А вот пример другого хэппенинга — «Гибель «Титаника» во франкфуртской Старой опере в 1984-м году. Запертые «трюмы» вода, хлещущая на вас из «иллюминатора» клаустрофобия ужас. Коллективное покаяние ритуальное поминовение.

Можно в жизни пойти третьим путем — брать пьесу чтобы ее не ставить. Брать женщину чтобы с ней не спать. Не дай Бог я буду делать ничего. А вы будете это смотреть.

Спасибо все равно было интересно. После спектакля я шла пешком, возвращалась дворами. В одном дворе стояла беседа а в ней сидели два старика. Яркое светило солнце а старики громко разговаривали. Слов было не разобрать а все из-за того что они очень громко кричали так хотели быть услышанными друг другом. «Если их снять на черно-белую пленку получится кино» — подумала я. И тут же про это забыла.

Катя АГАПКИНА